

«Ты злой? — тихонько спросил Муми-тролль. — Ты ужасно плохой, страшный, кровожадный, беспощадный, да? О, ты славный, дорогой, маленький мой, мой, мой!»

Туве Янсон.

«Повесть о последнем в мире драконе»

Сегодня

...Приехал наряд, и скучные люди в скучных серых одеждах со скучными дерматиновыми папками под мышками стали осматривать тело. Они присаживались, обходили его кругом, то и дело задевали откинутую очень белую и неживую руку. Рука при этом шевелилась.

— Соседи обнаружили?.. — спросил кто-то из них скучным голосом, похожим на серый дерматин, и второй кивнул на высокую девицу, которая сидела на площадке между первым и вторым этажом, щурилась, курила и стряхивала пепел в громадную чистую хрустальную пепельницу. Пепельница стояла рядом на ступеньке. Обе, и девица и пепельница, были странные и здесь неуместные. — Все остальные жильцы жмутся к стенам, шепчутся, а эта поживает себе! Покуривает. Ишь ты!..

— Только ты... поаккуратней с ней, — закрываясь от девицы папкой, пробормотал второй.

— А чего? В истерике?

— Да не в истерике она. Она... в телевизоре.

— Чего?!

— Да она какая-то, блин, писательница из этих... модных. Лелька моя от нее прям визжит!.. Только вчера по телику показывали, она там всех жизни учила...

— Вот, е-мое...

— То-то и оно...

Первый вздохнул и стал подниматься. Девица смотрела на него внимательно, курила.

— Здрости, — сказал он, не дойдя, и поправил под мышкой свою папку. — Капитан Мишаков. Ваш труп?

И побагровел от такой своей оплошности.

— Не совсем, — не моргнув глазом, отозвалась девица и затушила сигарету. — Но я знаю чей. То есть я его знала, пока он еще не пришел в состояние трупа.

Капитан Мишаков, выправляя оплошность, заговорил нарочито громко и четко, и опять вышла глупость:

— Я имею в виду, это вы его обнаружили в состоянии трупа?

— Господи, помоги, — отчетливым театральным шепотом произнесла величественная бабка в атласном расписном халате, — до чего дошло!.. Так я и знала!

Капитан Мишаков посмотрел — соседи толпились, вытягивали шеи. Нужно всех разогнать по квартирам, послать лейтенанта опросить, а начать с бабки.

— Это Толя Кулагин, — продолжала девица, не обращая внимания на зрителей, и кивнула в сторону трупа. — Он вчера у меня гостевал. Старый друг.

Капитан Мишаков пожал плечами, сбежал на несколько ступенек, призвал Павлушу-лейтенанта, вполголоса отдал указания, вернулся на площадку и пригласил девицу «пройти».

— Куда? — не поняла та, но послушно поднялась, сразу став на голову выше капитана.

Высокие женщины ему не нравились.

— Прийдемте в квартиру! Которая ваша?

В квартире — о-го-го, такие все больше в кино показывают! — было сумрачно, очень тихо и хорошо пахло.

— Хотите? — спросила переставшая ему нравиться девица. — Кофе сварить?

— Простите, как имя-отчество ваше?

— Поливанова Мария Алексеевна.

— Мне бы документик.

— Вы проходите, — и Мария Алексеевна сделала приглашающий жест, — сейчас все будет: и кофе, и документики...

Из-под старинной разлапистой бронзово-ветвистой вешалки она вытащила портфель, довольно потрепанный, и пошла по коридору. Капитан двинул было за ней, но остановился и присвистнул, ничего не мог с собой поделаться.

Все стены широченного, как трамвайное депо, коридора занимали книги. Их было столько, что за

ними не разглядеть полок, и казалось, книги просто растут из стен, начинаются на полу и заканчиваются где-то в невообразимой высоте, под матовыми лампами на длинных цепях.

Книги были навалены, наставлены, засунуты друг на друга, прислонены, подперты, втиснуты, они жили какой-то собственной, неизвестной капитану Мишакову жизнью. В первый раз он видел живые книги.

— Я вам потом еще в кабинете покажу, — запросто, как другу, сказала девица и распахнула дверь на кухню. — Там еще больше! Считается, что прадед начал их собирать, но сдается мне, что у него уже была библиотека, когда...

— Здравствуйте.

В солнечном, ярком до слез после книжной темноты коридора оконном проеме маячил силуэт. Человек сидел на каменном подоконнике, босой, в джинсах и мятой футболке. На джинсах дырки. На голове кудри и локоны. В руке кружка.

У-у-у, подумал капитан Мишаков. Дело плохо.

— Вот мой документик. — И в руку ему ткнулся паспорт в затасканной обложке. — Вам с молоком и с сахаром?.. — спросила хозяйка.

— Вы тоже паспорт покажите, — буркнул капитан в сторону сидящего на подоконнике и наскоро пролистал страницы, которые сообщали, что Мария Алексеевна Поливанова родилась тогда-то, проживает согласно прописке здесь же, бездетна и в браке не состоит.

— Тогда уж и вы покажите! — произнес длинноволосый.

Капитан перестал листать.

— Что показать?

— Паспорт.

— Зачем?

— А мой вам зачем?

Мишаков рассердился.

Вот чего он терпеть не мог, так вот эдаких фанаберий!.. Сейчас еще про адвоката речь заведет! Насмотрелись сериалов, буржуи проклятые, им бы только кофеек попивать да на подоконниках в рваных джинсах посиживать, а у него, у Мишакова, на руках, между прочим, труп! И вышеозначенный труп, между прочим, по собственному признанию хозяйки, вчера находился именно в этой квартире!..

— Па-а-апрушу паспорт! — неприятным голосом протянул Мишаков. — А удостоверение... вот оно. Пожалуйста.

— Маня, дай ему мой паспорт, — распорядился субъект на подоконнике, мазнув взглядом по удостоверению.

— А где он?.. — спросила Маня.

Кудрявый пожал плечами:

— Понятия не имею.

— Вам с сахаром и молоком, товарищ капитан?

— Кулагин Анатолий Петрович кем вам приходится?

Кудрявый опять пожал плечами и отхлебнул из кружки. А на костяшках-то ссадины, отметил капи-

тан, ничего себе!.. И свежие совсем! Видать, кому-то не далее как вчера в зубы дал, а на вид хлюпик хлюпиком!..

— Кулагин Анатолий Петрович мой старинный знакомый! — закричала откуда-то издалека девица. — Мы вчера с ним подрались!

Мишаков, не ожидавший такого скорого признания, опешил.

— Как... подрались?

— Маня преувеличивает, — произнес сидящий неприязненно. — Она всегда все преувеличивает. В силу профессии.

— Вот, пожалуйста, — сказала девица так близко, что капитан даже вздрогнул и оглянулся.

Чего это она то и дело появляется и исчезает?! Ей бы над старым другом безутешные слезы проливать, а она порхает, хоть и похожа... на лошадь, а лошади порхать не положено!

— Вот паспорт, а это ваш кофе. Я сахару побольше положила.

Капитан почему-то покорно взял и чашку, и паспорт.

Шан-Гирей Александр Павлович. Что за фамилия, чучмек, должно быть, какой-то!.. Родился, женился, развелся. Прописан у черта на рогах, военнообязанный, детей нету.

На фотографии кудрявый и дырявый выглядел самым обыкновенным, ничем не примечательным человеком, и капитан вздохнул и поставил кофе на стол.

...Документики-то мы пока приберем, пожалуйста. Для острастки. Известно, когда должностное лицо забирает паспорт и возвращать его как будто и не собирается, это всегда производит... соответствующее впечатление. Оказывает, так сказать, психологическое давление. А капитану Мишакову в данный момент очень важно на странную парочку психологически надавить!..

И он аккуратно и неспешно поместил паспорта в дерматиновую папку и даже «молнию» застегнул, вжикнул специально погромче.

Ни Мария Алексеевна, ни Александр Павлович на такое его «вжиканье» никакого внимания не обратили. Психологическое давление оказать не удалось.

Да ну их совсем!..

— Итак, Кулагин Анатолий Петрович вчера вечером находился здесь в гостях, я правильно понял?..

— Абсолютно, — отозвалась девица. — Два раза.

— Что значит... два раза?

— В первый раз Алекс его выставил, так он вернулся! Пришлось еще раз выставлять. Повторно.

— Алекс кто такой?

— Это я, — все с тем же неприязненным равнодушием представился чучмек в локонах, по паспорту Александр Павлович.

— Вы бы кофе попили, — посоветовала девица. — Остынет.

Мишаков покосился на крохотную чашечку со странно закрученной ручкой и непонятной картинкой.

Все в это доме непонятно и странно закручено.

— Вы, Александр Павлович, вчера тоже в гости приходили?

— Я здесь живу.

Что чучмек не гость, а хозяин, видно невооруженным глазом, это капитан уж просто так спросил!..

— Вы сказали, что вчера вечером с Кулагиным подрались. Из-за чего?..

— Во-первых, это не я сказал. Во-вторых, мы не дрались.

— Вы бы уж договорились между собой, — начал капитан Мишаков, стараясь, чтоб прозвучало добродушно, и отхлебнул кофе. Горячо! Вкусно! Надо бы Павлуше, лейтенанту, сказать, чтоб глянул наскоро на предмет синяков и ссадин на трупe, а там дальше эксперты как следует посмотрят. — Вы бы договорились, чего врать станете! А то куда это годится! То дрались, то не дрались. Но на всякий случай хочу предупредить, что за дачу ложных показаний ответственность предусмотрена.

— Пока никто из нас никаких показаний не даст. — Чучмек оперся ладонями о каменный подоконник, свесил патлатую голову и теперь рассматривал собственные босые ноги. — Или тогда ведите протокол.

Вот терпеть Мишаков не мог всяких таких фанатберий!.. Тут уж и до адвоката недалеко! Сейчас начнет права качать и грозить международным трибуналом в Гааге! Слыхали мы эти песни. Эх, если

б не девица из телевизора — капитан покосился на нее раздраженно, — отволок бы сейчас этого в отделение, съездил пару раз по зубам, засадил в «обезьянник», живо бы тон сменил!..

— Выходит, вы не дрались?..

— Ничего не выходит, капитан. — Шан-Гирей перестал изучать свои ноги, поднял голову и уставился ему в глаза так, что Мишаков даже дрогнул немного, стул под ним громыхнул. — Этот ваш Кулагин вчера приходил к нам и очень плохо себя вел. Первый раз я его просто вывел на площадку. Но он через некоторое время вернулся, стал буяннить и...

— Алекс дал ему по физиономии, — влезла девица, — и мы его больше не видели.

Глаза за стеклами круглых очков сияли.

Вот хоть ты тресни, подумал капитан Мишаков, а каждая женщина на свете приходит в восторг, если мужчина в ее присутствии совершает «героический поступок»! Неважно какой. Матерщинника там приструнит, колесо поменяет, бабусе нищей двадцатку сунет. Женщине все равно. Главное, что — герой!

И этой, из телевизора, важно, что ее чучмек кому-то по морде съездил! Первобытно-общинный строй, что ни говори, а все туда же, эмансипированные они, свободные!..

Как бы не так — свободные!..

— Если вы отказываетесь сотрудничать, я вас сейчас заберу в отделение, и там мы во всем разберемся. Под протокол! — Капитан повысил го-

лос, потому что чучмек явно собрался что-то возразить. — Итак, я спрашиваю: что произошло вчера вечером в вашей квартире? И еще, — Мишаков одним глотком допил кофе из диковинной чашки. — Кто из вас убил Кулагина Анатолия Петровича?

— Мать божья, — пробормотал Шан-Гирей, отвернулся и стал смотреть в окно.

— Никто не убивал, — удивилась девица. — Что мы, с ума сошли, что ли?.. Очень нам нужно его убивать!..

— Он не стоит таких усилий, капитан, — глядя в окно, добавил Шан-Гирей.

Да ну их совсем!.. Психологический прием опять не сработал, а ведь хороший прием-то! Когда-то в Школе милиции следователь Петрушин, еще той, старой закалки следователь, учил их, желторотых юнцов: иногда и очень даже часто, особенно если убийство совершается на бытовой почве, преступник на прямой вопрос дает прямой ответ.

От растерянности дает. От неуверенности. От раскаяния, что сделал глупость — убил, а уже ничего не исправить!

Но эти двое не были растерянными и уж точно ни в чем не раскаивались!..

— Вы... не спешите? — с сочувствием спросила девица. — Как ваше имя-отчество?

— Сергей Петрович!

— Я вам сейчас все расскажу, Сергей Петрович, — пообещала девица. — Только это будет... долго. Ничего?..

Вчера

Писательница Марина Покровская — в миру Маня Поливанова — поняла, что больше ни секунды не сможет провести за компьютером, ну просто ни одной секунды! Отрываться было жалко — там, у нее в романе, дело шло к развязке, и герой уже почти догадался, кто убийца, и героиня уже почти догадалась, кого она любит, и убийца почти догадался, что должен спешно уносить ноги, а тут, как назло, у автора силы кончились!..

— Охо-хонюшки-хо-хо, — под нос себе пробормотала писательница Поливанова и потеряла глаза под очками.

Очки немедленно свалились с носа, пластмассово клацнули по клавиатуре. Маня испуганно посмотрела, не разбились ли.

Ничего, целы.

Очень хотелось есть, пить, спать и как-то подвигаться — все одновременно.

Маня тяжело выбралась из-за стола и проделала некое антраша, очень неловко. В глазах потемнело, в голове загудело, и пришлось схватиться за край массивного письменного стола, чтобы не упасть.

— Уработалась что-то, — громко сказала Маня, хотя точно знала, что ее никто не услышит. — Так нельзя, матушка. Скоро к стулу прирастете, отдирать придется.

...Алекс уехал на какое-то интервью, давно, еще в обед. Давать интервью он терпеть не мог, долго